

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Если просто записать все, как оно есть, с натуры, сразу, как произошло, день за днем, то получится в общем-то однообразно, скучно и малоинтересно. Я не вела никаких дневников тогда — на Телецком. Даже казалось, что теперь, спустя три года, все перезабыла. И вот получилась удивительная вещь: начала писать — и кокшинское мое жите-бытие вспоминается ясными кусками и с мельчайшими подробностями, но только как бы при другом освещении, под другим углом зрения, с новыми ассоциациями.

Время по-своему сохранило и проявило в памяти те события и мои переживания, все приобрело другой смысл и глубину.

В повседневной жизни там, в Кокшах, на первое место, заслоняя все остальное, выступали разные «надо сделать», «надо успеть», «надо сказать, не забыть». И все дни память и мысли были перегружены этими «надо», да еще ощущением и осознанием разных чисто физических неудобств: слепни, мошка, клещи, опасность энцефалита, отсутствие бани, протекающая крыша и просто смертельная усталость от неподъемных рюкзаков.

А вот сейчас вспоминается в основном то, что входило, впитывалось в меня произвольно, о чем я тогда мало думала или не думала совсем — красота этого озера и гор, их собственная жизнь со своими законами, которую мне удалось в какой-то мере почувствовать, те корни, что нас связывают, и то, что привело меня туда.

Все это постепенно осознается лишь теперь, когда я сижу в московской квартире на Ленинском проспекте, очень далеко от Алтая. И то, что ежедневно занимало тогда мысли, все эти «надо» и разные неудобства, почти не вспоминается — так, чуть-чуть. Вспоминается совсем другое, почувствованное, но не осознанное тогда, на Алтын-коле.

Наверное, я и теперь не все достаточно глубоко понимаю. Пишу, и снова живу в Кокшах, только по-другому: другие мысли и сильнее чувства.

Е. БРЕШЕНКОВА

АЛТЫН — КОЛЬ

Гравюры В. ЕСАУЛОВА

КОКШИ

Кокши — горная речка с беспокойным характером, с чистой холодной водой, с хариусами и норками. Несет она себя к Телецкому озеру через пороги и водопады. Годы и годы полирует каменные бока и шумит, шумит, не переставая. Шумит Кокши, шумит горная тайга по ее берегам, и так всегда...

На выносе, на берегу Телецкого — небольшая сосновая рощица. Сзади горы подпирают, спереди озеро, а в рощице на берегу залива — маленькая избушка из бревен с русской глинобитной печкой. Это наблюдательный пост озерной метеостанции. Тут я живу и работаю.

В паводок весной ревет Кокши как бешеная. Швыряется вывороченными кедрами, грохочет огромными каменными глыбами по дну. Дрожит земля и дрожат всеми полуодетыми веточками березы по грудь в воде. Кажется, проносится рядом бесконечный тяжелый товарный поезд.

Бушует Кокши, умывает беспокойной холодной свежестью, будоражит, тревожит мятежным разгулом своим.

Поздно осенью, перед ледоставом, на дне на камнях нарастает донный лед, подпирает воду, подпруживает. Местами такие донные плотины получаются. Вспухает Кокши, успокаивается да так и замерзает. Потом донный лед отрывается, вода падает, а лед сверху остается висеть. И ходить по такому тощему льду зимой не очень-то приятно. Такая гулкая пустота под ногами. Идешь, как по барабану, палкой постукиваешь, и не знаешь, сколько там пустоты: метр, два или больше, а дальше вода или камни...

ВОЛКИ

Зима была мягкая и малоснежная. Можно было всю зиму ходить по тайге без лыж. И в тайгу пришли волки. Они пришли с юга, из долины Чулышмана, из степных скотоводческих районов, а может быть, из самой Монголии. Много маралов погибло в ту зиму в Прителецкой тайге.

В тундре волки не могут догнать здорового быстрого оленя и убивают слабого или больного. Но здесь, в горной тайге, особенно не разбежишься и ноги не спасут. Тут тебе не вольный простор, открытый на все четыре стороны, а узкие маральи тропы. Они петляют по склонам и распадкам среди камней и поваленных деревьев, от пастбищ к пастбищу, от солонца к солонцу, от водопоя к водопюю. И эти пастбища, солонцы и тихие водопои одни и те же из года в год, и их не так уж много.

Маральи тропы плотно утопаны и на них ничто не растет. Поколение за поколением ходят по ним маралы, чтобы утолить голод и жажду, и вылизывают языками целые пещеры на солонцах. И это их постоянные дороги в горной тайге.

Волки знают об этом и всегда могут найти и загнать на отстой любого марала. Они не решаются сразу напасть на сильного зверя, побаиваются его мощных рогов и копыт. Берут измором — не дают пастись, и он ослабевает...

Первого марала в Кокшах волки задрали еще в ноябре, километрах в двух от озера. Они растерзали его на речной терраске среди ольшаника. Земля была сильно избита и туда тянулись целые дороги по реке, как будто скотину гоняли, и много волчьих лежек на льду...

Мало что осталось от марала. Кровь склевало воронье, кости растаскала россомаха. На бойне — лишь серая маралья шерсть да череп с семиконцовыми рогами. Два отростка были свежесломаны...

Позднее недалеко от того места волки погубили еще трех маралов. У избушки было слышно, как они воют. Действительно, в их вое есть какая-то жуть для человека.

МАРАЛЬНИК

Здесь, на Алтае, его зовут маральником, в Забайкалье — багульником, а по науке — рододендромом даурским. Это такой кустарник с плотными пахучими листочками, с розовыми весенними цветами вроде шиповника, только меньше и нежнее.

После частых летних дождей расцветает маральник второй раз осенью. На зиму он не раздевается, а сворачивает источки в кожистые трубочки. В оттепель, когда все обретает запах, расправляет маральник свои листочки-трубочки и тоже пахнет терпко, по-весеннему.

Есть у него удивительное свойство, похожее на чудо. Если зимой поставить веточки в воду, согреваются они, расправляются и расцветают бледно-розовыми цветами... И пусть за стеной льют верховка, стонет от непогоды озеро, мерзнут сосны. Верится, все равно уйдет весна и всех согреет.

Растет маральник по берегам, лепится на крутых каменистых склонах и осыпях, смотрится в притихшее озеро ровным облаком. И так везде, по всему влещкому. Очень много его здесь.

Смотрят на розовый маральник люди, проплывая мимо. Дышат весенними запахами прибрежной тайги. Раскрывается перед лодкой свежий простор озера, совсем близкие зеленые горы, мысы и заливы, белые ленты водопадов...

Плывет по озеру человек, смотрит цветущий маральник, на далекие снежные горы со снежниками. И забываются вседневные заботы, уходят тяжелые, удные мысли. Переворачивается что-то внутри, оживает все, что есть рошого в человеке. И человек ставится добрее...

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Кончается еще один летний день. Опять приближается то удивительное время вечернего откровения и интимной близости, без которой нет понимания, когда остро чувствуешь этот мир вокруг себя и свою извечную связь с ним.

Оживает что-то в душе, запрятанное глубоко-глубоко, сохраненное от веков. Мысли неясные и ленивые. Просто наполняешься ощущением того, что ты живешь, как все вокруг.

Теплыми волнами накатывает воздух нагретых за день гор и щедро обдает ароматными запахами — цветет по склонам разнотравье. Свежестью тянет с тихого озера.

И везде в соснах слегка потрескивает. Это раскрываются зеленые сосновые шишки, освобождая семена для душией жизни.

Долго сижу на берегу. Рядом лежат баки, тоже смотрят и слушают, ловят запахи влажными носами.

И им, наверное, так же хорошо и покойно, как и мне.

ГРИБЫ

Площадка с термометрами и осадкомером пониже избушки расположена. А в Телецком поднялась, просочилась сюда под землей и разлилась в маленькое озерцо среди сосен — почвы здесь песчаные, для воды легкие. Пришлось лодку перетащить, и теперь добираюсь к столбам с приборами на лодке.

А рядом под соснами целыми пластинами растут маслята. Их много, и из избушки в бинокль при желании их можно видеть.

В рощице полно грибов, особенно для солки: грузди, волнушки, рыжики и еще какие-то. А около курятника — шампиньоны. Насолила уже полное эмалированное ведро.

Раньше никогда грибы не солила. Это мой первый опыт. Может быть, и не рискнула, если бы не Соня. Соня — энтомолог из Новосибирска и все умеет. Мы познакомились еще весной, на Телецкой биостанции в Иогаче. Она сказала, что преступление не насолить грибов, когда их так много и рядом, никуда не надо ходить. Я послушалась. Теперь вот солю и мариную по ее рецептам — на зиму.

Очень это приятное дело — собирать грибы. Руки просто сами тянутся, чтобы сорвать. И настроение почему-то лучше становится, и человек как-то смягчается от неясного чувства благодарности. Откуда это в нас? Может, от далеких-далеких предков, когда сама жизнь зависела от щедрости леса и умения собирать его дары?

НЕВЕРОЯТНО, НО ТАК БЫВАЕТ...

Туман стоит низко над озером, срезая горы на противоположном берегу, и медленно поднимается, открывая склоны. Значит, опять будет дождь. Вот если бы туман опускался, была бы надежда на хорошую погоду.

Лениво крутится анемометр — уже привычные утренние наблюдения.

Шаман вспугивает пару рябчиков с берега и теперь лаем перегоняет их с места на место по всей рощице. Интересно, что они делали у самой воды?

Рябчики часто свистят по утрам совсем рядом с избушкой, провоцируют Шамана и меня тоже. Приходится стрелять. Варю из них суп с домашней лапшой. Получается совсем неплохо. Вот только не люблю щипать — кожица слишком тонкая и все время рвется. Снимаю перья вместе со шкуркой, так проще.

Выхожу к заливу на свай. А это что за гости? На берегу десятка два черных воронов. Что им тут нужно? Ворон зря не пожалует... Непонятно!

Ближе к избушке все куры собрались вместе с Петей. Тоже на берегу и что-то деловито клюют. И вороны тоже клюют. А вода в заливе каким-то странным матовым пятном выделяется. Подхожу ближе. Вот это да! Вдоль берега все камни, песок, бревна покрыты пушистым шевелящимся валом. Лесные клопы! А пятно на воде — это тоже клопы... Ветер тянет с Черлока и подгоняет их к нашему берегу.

Ясно представляю, как пахнет один из них, и мне становится нехорошо. Подхожу ближе, принимаюсь. Странно! Эти не пахнут совсем. Куры с аппетитом клюют их и вороны тоже. Теперь понятно, зачем рябчики к воде пожаловали, им тоже клопы по вкусу пришлись.

Один из воронов увлекся и приблизился к курам. Пете это не понравилось. Он распушил воротник, расправил

хвост поперечным веером, подраспустил крылья и решительно направился к черному ворону. Тот поспешно отлетел подальше — чужая территория, ничего не поделаешь, приходится отступать даже с таким мощным клювом!

Петя очень ревниво следит за своими хохлатками. Он ревнует их даже ко мне. Это выяснилось довольно неожиданно для меня и малоприятным образом. Иду как-то с миской к курятнику, решила кур вареными наливами побаловать, зову своих насекомых: «цы... ып-цып-цып!». Они, видно, проголодались, спешат со всех сторон. Я иду — куры за мной, бегут дружно, торопятся.

Вот этого-то Петя не смог вынести. Чтобы на его глазах так просто уводили всех жен?! Налетел на меня сзади, бьет по ногам крыльями, шпорами, клюется как бешеный. Еле успокоился. Отчаянный петух. Вот и сейчас ворона не испугался.

Стою на берегу. Сверху приближается мотор — рыбаки возвращаются. Они сетки проверяли в Саратовках, за устьем Кокши. Шаман для порядка облаивает гостей.

Помогаю вытащить лодку. Спешу сообщить о случившемся, о воронах, курах, рябчиках... Мужики снисходительно улыбаются: — Это еще что! Вот в Кыгинском заливе, бывает, столько клопов набивается низовкой, что мешками их собирают, сушат и всю зиму кур кормят. Очень даже, говорят, для кур полезно.

И откуда они только берутся? Ну, да ладно. Давай-ка лучше уху организуем.

Зачерпываю воды из озера, дещаю на таган чайник и котелок для ухи. Приношу сухих дров из избушки — на улице все давно отсырело. Михаил занимается костром, а мы с Володей чистим на берегу рыбу. Сиг, хариус...

Вспарываю хариусу желудок — ну и ну! Он полон лесных клопов. И у сига тоже — во всех рыбьих желудках лесные клопы! Выходит, не одним птицам они по вкусу пришлись.

Возвращаемся к костру, вода уже кипит. Можно опускать рыбу. Около курятника лежит не тронутое курами пшено...

НАШЕСТВИЕ

Лиственницы были обречены. Все лиственничные парки на крутых Прителецких склонах должны были погибнуть.

Это было безнадежно и страшно — страшнее пожара. Ничто не могло их спасти. На лиственницы напал непарный шелкопряд, тупая, беспощадная сила, тысячи и тысячи жующих лохматых гусениц. Хвои не было видно под сплошной шевелящейся массой, и только грязная паутина да старые шишки оставались на ветках-скелетах после страшного нашествия.

Гусеницы падали сверху, лопались под ногами, ползли по берегу...

Жутко становилось от мысли, что будет на следующий год, когда каждая из них, превратившись в белую бабочку, даст жизнь тысячам новых.

Ни птицы, ни звери не могли помочь тайге. Не будет осенью нежной оранжевой хвои, которую так любят глухари, не будет вкусных шишек для белок.

Лиственницы погибнут постепенно и не в гудящем жарком пламени лесного пожара, а под тихий шорох жующих гусениц. И останутся стоять мертвые деревья, а неумолимое страшное множество поползет дальше, неся с собой смерть...

ДОБРОЕ ЧУДО

Сумерки мягкие, ласковые. Озеро, как зеркало. Тихо и тепло. И не чувствуешь, что осень уже начинается, а потом придет зима. И это неизбежно.

А тишина кругом такая надежная, прочная, что кажутся невозможными зимние бешеные бури, ломающие сосны в рощице, ревущее, стонущее в бе-

регах озеро, жестокий ветер, кувыркающий дюралевую лодку, как невесомую, и слизывающий песок с берега.

Сейчас тихо. Все больше темнеет и в воздухе появляются легкие белые бабочки. Их становится все больше и больше. Начинается брачный полет непарного шелкопряда...

Могучая сила инстинкта поднимает их в воздух. Напряженно ищут антенны-усики призывный сигнал самки. Только не опоздать! Успеть найти, не упустить короткое время ее брачного зова!

И вдруг на темном озере вспыхивает ослепительный свет. Он горит холодным бело-синим пламенем и властно, непреодолимо зовет к себе, как самая желанная, самая нужная самка.

Скорее туда!

Белыми хлопьями кружатся обманутые бабочки в слепящем свете ртутной лампы, плотным слоем покрывают плот и воду вокруг. А с прибрежных крутых склонов летят все новые и новые, еще и еще. Падают в холодную воду озера... И так всю ночь. И на следующую ночь тоже...

Напрасно ждут самки. Их зов остается без ответа. Слеп инстинкт и непреодолим призыв бело-синего пламени.

Не будет потомства у шелкопряда!

Не будет на следующий год страшного жующего нашествия!

Они очень устали — эти славные ребята, биофизики из Новосибирска. Для них это была работа, и работать приходилось ночами. А днем проверяли и налаживали аппаратуру и делали массу разных неотложных дел, как всегда в экспедиции.

Они зажигали свои лампы на плотях каждую ночь. Много раз меняли дневные стоянки, передвигаясь по Телецкому от Кыгинского залива к Яйлю.

Ребята просто не выспались и вряд ли думали о том, что совершают доброе чудо, спасая лиственницы и освобождая тайгу от злой силы. Они просто работали.